

СЕРГЕЙ
САМАРОВ



СПЕЦНАЗ ГРУ



Оранжевый

снайпер

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Оранжевый снайпер

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Оранжевый снайпер / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2020 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-115467-7

Старший сержант ГРУ Анастас Логинов – лучший снайпер части. В бесконечных стычках с боевиками на Северном Кавказе ему нет равных. Но в какой-то момент и у противника появился свой профи. Бандит использует особую хитрость: он выставляет в пределах видимости три апельсина, и тот, кто ради азарта стреляет по ним, тут же получает ответную пулю. Федералы много раз пытались поймать боевика, но каждый раз ему удавалось уйти от расправы. Настоящая дуэль между профессионалами началась тогда, когда на охоту вышел сержант Логинов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115467-7

© Самаров С. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Васильевич Самаров

Оранжевый снайпер

© Самаров С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

– Ананас!

– Меня, товарищ старший лейтенант, зовут Анастас.

– Это тебя так дома звали. Мама твоя, болгарка по национальности, решила такое имя тебе дать в честь твоего деда, своего отца. Это я все читал в твоем личном деле. А здесь ты будешь Ананас. Так тебя все бойцы роты уже зовут, хотя ты с ними и познакомиться, думаю, пока еще толком не успел. А ты считаешь, что не только рядовым солдатам и сержантам, но и мне, командиру взвода, нельзя так тебя называть?

– Товарищ старший лейтенант, я считаю, что любой офицер, в том числе и командир взвода, должен быть интеллигентным человеком. Его к этому должность и звание обязывают. Так говорил командир нашей учебной роты.

Старший сержант контрактной службы Анастас Логинов прибыл в батальон спецназа военной разведки для дальнейшего прохождения службы всего два дня назад после выпуска из учебки, расположенной в Солнечногорске. До этого он окончил окружную школу снайперов и служил сержантом в мотострелковом подразделении. Оттуда парень и был отправлен в Солнечногорск, куда командование собирало лучших стрелков. Там за успехи в учебе ему было присвоено очередное воинское звание. Сказалась и его отменная спортивная подготовка. Анастас был мастером спорта по боксу. Поэтому он и угодил не куда-нибудь, а в спецназ военной разведки.

Почти две недели старший сержант вместе с двумя лейтенантами, совсем молодыми, только после училища, просидел в резерве бригады. Потом он был отправлен в батальон, где два дня мыкался вне штата. Уже оттуда его, имеющего боевой опыт, кроме того, награжденного медалью «За отвагу», перевели в состав разведывательной роты.

Во взводе он был принят отнюдь не с распростертыми объятиями, получил винтовку СВД, с которой воевал прежний снайпер. Никто не поспешил отнестись с восторгом к его характеристике отличного стрелка. А про медаль вообще ни слова не было сказано. Во взводе такие же награды имели многие бойцы, особенно контрактники. Речь не шла и о спортивном звании Анастаса.

Только командир взвода старший лейтенант Галактионов, человек с удивительно породистым, интеллигентным и умным лицом, держа в руках документы старшего сержанта, спросил:

– Сколько лет ты тренировался, учился стрелять?

– Одиннадцать лет, товарищ старший лейтенант, – с нескрываемой гордостью ответил старший сержант.

Он совершенно искренне и, может быть, вполне справедливо считал, что звание мастера спорта заслуживает уважения.

– Это очень плохо! – заявил вдруг старший лейтенант. – Значит, привычки у тебя устойчивые. Долго переучивать придется. Даже с простыми разрядниками работать бывает на порядок проще, чем с мастерами.

– На что переучивать? – не постеснялся спросить Логинов с несколько самодовольной усмешкой в голосе, не очень понимая своего командира.

– Тебя учили стрелять, а мы будем учить убивать. Это, ты уж мне поверь, несколько разные вещи. Научить порой бывает легче, чем переучить. Все от человека, конечно, зависит. Но посмотрим. Это все тоже не сразу. Обучение не сегодня начнется. Завтра мы вылетаем на усиление своей разведроты. Она сейчас на Северном Кавказе, в составе сводного отряда. Там учить и переучивать будет некогда. Воевать придется. А когда вернемся, то займемся тобой, если, конечно, оба живы будем.

Старший сержант сразу понял, что это вот самое «живы будем», произнесенное вроде бы между делом, было не простой присказкой, а реальным, совершенно будничным положением вещей. Не все бойцы, конечно же, возвращаются из командировки живыми и здоровыми.

Про традиционное отсутствие летальных исходов в спецназе военной разведки Логинов слышал, но и о наличии раненых тоже знал. А эти случаи бывают разными. Одному пуля пробьет или даже просто оцарапает мягкие ткани. Другому, чтобы выжить, придется несколько операций перенести.

Потом этому бедолаге придется пройти медицинскую комиссию. Она может признать его непригодным для дальнейшего прохождения службы, даже инвалидом, для чего потребуется еще и соответствующее заключение врачебно-трудовой экспертной комиссии. Хотя последнее решение и дает определенный минимум благ, которые потом придется еще и выпрашивать у разного рода чиновников, однако становиться с молодости инвалидом никто почему-то не рвется.

С бойцами взвода Анастас познакомился быстро. Он сразу понял, что снайпер, выбывший из состава по причине серьезного ранения в голову, занимал там очень важное место и заслужил особое отношение к себе. Ему потребуется время, чтобы хотя бы частично заменить этого парня.

Однако старший сержант Логинов предпочитал не повторять кого-то, а оставаться самим собой. Хотя таким его многие люди сразу принять не стремились.

В этих случаях Анастас, как это ни странно, уподоблял себя собаке.

Один из его хороших знакомых на гражданке, человек уже немолодой, всю жизнь держал собак. Но жизненный век пса довольно короток. Человек этот брал всегда собак разных пород. Он уверял себя и других в том, что одна из них не заменяет другую, каждая имеет собственный нрав и особый характер. Хозяину животного требуется приспособиться к этому. Собака подстраиваться под человека не будет. Она останется самой собой.

Анастас считал, что пусть к нему приспосабливаются другие бойцы взвода. А он будет всегда таким, какой уж есть.

Уже на следующий день взвод загрузили по отделениям в три МИ-8 и перебросили сначала в Моздок. Потом все бойцы одним большим транспортно-пассажирским вертолетом МИ-26 были доставлены в Каспийск. Там их уже поджидал грузовик, сопровождаемый боевой машиной пехоты.

Так вот они и добрались до военного городка, но разведывательной роты, на усиление которой взвод и был отправлен, на месте не оказалось. Она выехала на боевое задание. Бойцы взвода получили час на отдых и на устройство в казарме.

Ровно через шестьдесят минут их посадили уже в другой грузовик, только теперь уже сопровождаемый двумя бронетранспортерами, и отправили в горы, где вела бой разведрота. Она заперла в ущелье большую банду. Сверху этих же боевиков блокировал спецназ пограничных войск «Сигма», высадившийся в верховьях ущелья и спустившийся в него по следам банды.

Она переходила границу частями. Однако все эти небольшие группы, согласно данным электронных систем наблюдения и контроля, направлялись в одно место, где и соединились. Боевики сконцентрировались именно в этом самом ущелье.

Несмотря на то что правительства России и Грузии не слишком хорошо контактировали друг с другом, органы МВД и пограничники двух стран все же сохраняли какие-то отношения. Например, грузинская сторона отслеживала прохождение этой банды от границы с Турцией до самого Панкисского ущелья, расположенного в верховьях реки Алазани.

Там и был совершен переход границы с помощью проводников, которые на территорию России вместе с бандой не пошли. Боевики даже не звали их с собой, знали неукротимый характер кистинцев.

Именно так называют себя этнические чеченцы, проживающие в этих местах, на северо-востоке Грузии. Они носят грузинские фамилии, исповедуют ислам суннитского толка.

Если эмир почувствует, что где-то таится опасность, то по его приказу бандиты просто залягут, спрячутся, растворятся в округе. А вот кистинцы обязательно ввяжутся в бой. Наплевать им на все приказы эмира.

Потому боевики и не позвали проводников с собой. Пусть они лучше другие банды в Россию проводят. Так от них пользы будет больше.

Оказалось, что кистинцы унесли ноги очень даже вовремя. Едва они успели перейти реку, возле ущелья появился знаменитый спецназ пограничных войск «Сигма», усиленный несколькими отдельными группами специальной разведки.

Эмир аль Салех не желал сразу по прибытии домой вступать в бой. Он приказал своим людям быстрым маршем двигаться вниз по ущелью. В его планы не входило немедленное обнаружение противником всей банды. А если такое уже произошло, то лучше попытаться уйти без боя. Да, их, конечно же, будут искать, но не настолько тщательно, не так назойливо, как это происходило бы после боя со спецназом погранвойск, где обязательно были бы жертвы с двух сторон.

Все это означало, что банде следовало выйти на равнину, преодолеть семикилометровый участок, открытый всем ветрам и взглядам, и рассеяться в тугаях, густо растущих на берегу реки. Боевики должны будут собраться вместе только через несколько дней, когда пограничники, никого не догнав, уйдут ближе к границе, то есть уберутся восвояси.

Таков был план эмира, доведенный до всех моджахедов вместе с точным расчетом времени и четкими персональными указаниями насчет того, кому и куда идти. Тем более что с грузинской стороны по одному только телефонному звонку эмира должны были помочь, малыми силами начать долговременную перестрелку. Кистинцы и их помощники обещали это устроить, если пограничники начнут преследование. Тем самым они намеревались отвлечь «Сигму», имитировать возможность нового прорыва из-за кордона.

Но получилось все не так, как рассчитывал эмир. Как только банда приблизилась к воротам ущелья, туда же прибыл армейский заслон. Он обстрелял авангард колонны из автоматических пушек своих бронетранспортеров.

Так банда оказалась запертой с двух сторон. Назад идти было невозможно. Там путь перекрывали пограничники, драться с которыми всегда бывает сложно. Можно было попробовать выдвинуться вперед, но там позиции уже заняли довольно значительные силы армии. По подсчетам эмира, федералов было никак не меньше роты. Это почти столько же бойцов, сколько во всей банде. А сверху могли навалиться и пограничники.

Но ни армейцы, ни пограничники не знали, что эмир аль Салех постигал премудрости военных действий еще в Афганистане и Ираке, а в Сирии только оттачивал их. Благодаря своей безжалостности и хитрости, всегда неожиданной для противника, он приобрел прозвище Песчаная Эфа. Страшная змея, носящая это имя, всегда злобна и агрессивна. Именно этим она и отличается, допустим, от той же относительно человеколюбивой кобры, которая не любит нападать первой, а перед любой атакой обязательно раздует свой капюшон и долго будет раскачиваться из стороны в сторону. Аль Салех был змеем не только злобным, но еще и мудрым. Он заранее просчитал возможность возникновения подобной ситуации и принял собственные превентивные, хорошо продуманные меры.

Глава 2

– Галактионов! – позвал по связи командира взвода капитан Есипов, возглавляющий разведывательную роту. – Я жду тебя и нового снайпера. Хватит тебе там болтовней заниматься!

Старший сержант Логинов уже слышал от солдат, что капитан Есипов являлся человеком серьезным и вроде бы всегда сердитым. Парни говорили, что он никогда не общался с ними по личным вопросам, но обо всех знал все. Разумеется, от командиров взводов. Он требовал, чтобы они вникали в проблемы бойцов и держали его в курсе дела. А постоянную сердитость солдаты выводили из неудавшейся семейной жизни капитана, который недавно оформил развод с женой. Только после этого, как поговаривали бойцы, он слегка очеловечился, стал внимательнее относиться к солдатам и отзываться на их просьбы, в том числе и личного характера.

– Мы идем, – коротко ответил командиру роты Галактионов в микрофон своего шлема, взглянул на снайпера и сказал ему: – Пойдем. Капитан ждать не любит.

Взвод уже занимал позицию, отведенную ему командиром роты. Сам же капитан Есипов все еще находился около одного из бронетранспортеров, сопровождавших грузовик. Экипаж выгружал из боевой машины ящики с патронами, укладывал их прямо на открытой площадке и укрывал брезентом.

– Это и есть новый снайпер? – спросил Есипов у старшего лейтенанта, когда командир взвода со старшим сержантом приблизились к нему.

– Он самый.

– На мой взгляд, длинноват будет для снайпера, – заявил капитан, оценив рост новичка, оглядев его сверху донизу и обратно. – Трудно будет такому мальчонке спрятаться на позиции. Рост у тебя какой? – Этот вопрос сопровождался кивком в сторону Логинова.

– Сто восемьдесят пять, – ответил старший сержант.

– Выглядишь выше. Это, наверное, за счет общей сухощавости, – сделал вывод капитан. – Но ты не расстраивайся, сухощавость не есть показатель бессилия. Мы в армии привыкли из таких доходяг делать крепьшей, а из толстяков – жилистых худышек.

Анастас сам знал, что выглядит худощавым. Практически все одиннадцать лет занятий боксом он занимался сгонкой веса, и оттого скулы на его лице обрисовывались резко, делали лицо каким-то жестким.

– Вы правы, товарищ капитан, выгляжу я не очень-то крепким, – согласился он с командиром роты. – Однако сил у меня достаточно.

– Я твои документы смотрел. Ты на своем курсе считался специалистом по дальнобойкам. Правильно это написано?

– Правильно, товарищ капитан. Я отдельные специальные занятия проходил.

– Вот и отлично. Из каких винтовок стрелял?

– У нас там только и была одна дальнобойка на всех – «Корд».

– Ну, на «Корд» у нас уже есть специалист. Что ты про эту винтовку скажешь?

– Пушка, товарищ капитан, а не винтовка! Здорово бьет! Пополам человека разрывает.

– Соглашусь. Пушка! И звук точно такой же, прямо пушечный. А с «Сумраком» справишься?

Командир роты увидел, как у снайпера тут же загорелись глаза.

– Мы эту винтовку только теоретически изучали. В руках ни разу держать не доводилось, – ответил Анастас.

– Сейчас поддержишь. Сержант, давай сюда «Сумрак». – Последняя фраза была адресована контрактнику, который занимался разгрузкой бронетранспортера.

Сержант сунулся в боковую дверцу и, не забираясь внутрь, вытащил оттуда длинную винтовку с мощным дульным тормозом, значительно снижающим отдачу.

– Как раз под твой рост, – охарактеризовал винтовку капитан. – Еще бы и глушитель к ней. Как раз было бы. Но его обещают потом подослать. Нам подбирали другой глушитель, но я приказал ждать, когда родной придет. Он в стандартную комплектацию не входит. Только по спецзаказу поставляется.

– Длина, если мне память не изменяет, сто пятьдесят семь сантиметров, – сказал старший сержант. – Это без глушителя. А с ним мы ее даже не изучали. Глушитель для таких винтовок бывает, как я понимаю, только тактический. Для стрельбы издалека. Начальная скорость полета пули более девятисот метров в секунду, сверхзвуковая. Значит, глушитель полностью убирать звук все равно не будет.

– А тебе для апробирования и цель есть прямо сейчас.

– Наблюдатель противника? – спросил снайпер.

– Уже усмотрел его. Молодец, разведчик! – похвалил Анастаса командир разведывательной роты. – Я опасаясь, что к наблюдателю может снайпер бандитов присоединиться. Тогда мы все будем в опасности.

Сам он в данной ситуации, при таких вот опасениях, соблюдал завидное хладнокровие.

Наблюдатель бандитов занял место на вершине скалы, расположенной по другую сторону ворот, ведущих в ущелье. По правде говоря, снайпер заметил этого боевика только тогда, когда командир роты сообщил о нем. Старший сержант поднял взгляд на скалу и увидел, как на солнце блеснули окуляры бинокля. Это означало, что там сидит не снайпер, у которого прицел имеет только один окуляр. Да для простого снайпера и дистанция была великовата, не менее километра восьмисот метров.

Конечно, не было никакой гарантии в том, что и у бандитов не имеется в наличии дальнобойной крупнокалиберной снайперской винтовки. Однако если бы такая винтовка у них имела, то она, скорее всего, уже была бы применена. Оставить роту без командира – это предел мечтаний не только эмира, но и любого другого члена банды – хоть снайпера, хоть простого бойца. А вычислить командира можно без особых осложнений.

– Откуда стрелять? – поинтересовался Логинов.

– А вот в этом я тебе не помощник. Сам себе позицию выбирай, смотри, откуда удобнее будет. Нет уверенности в себе, подойди ближе, заберись на скалу, торчащую по другую сторону ворот.

Старший сержант еще раз посмотрел на скалу, на которой угнездился наблюдатель противника. Она поднималась высоко, и подступы к ней были сложными. С тяжелой дальнобойной крупнокалиберной винтовкой забраться туда проблематично. Потому, наверное, капитан Есипов и вел себя так спокойно, что уже все варианты рассмотрел.

На скалу можно было подняться из глубины ущелья, чуть-чуть не доходя до выхода из него. Видимо, наблюдатель залез туда перед самым прибытием разведроты и получил приказ оставаться там, когда бандиты уже отступили. Они хотели оказаться в выгодной для себя позиции и остановить спецназ погранвойск. Должно быть, наблюдатель имел какие-то средства связи, общался с эмиром, поставлял ему ценные сведения.

– Вообще-то, я его и отсюда достану, – сказал Логинов, прикинув расстояние и свои возможности. – Только бы чуть повыше забраться. Хотя бы метра на полтора-два.

– На деревья? – Капитан Есипов показал на ель и березу, обвившуюся вокруг нее винтом, стоявшие неподалеку. – Вон туда легко можно забраться. Будешь, прямо как финская «кукушка», на дереве сидеть. Только приковывать тебя к нему мы, пожалуй, не будем. Ты нам и в другом месте сгодишься.

– Про прикованных «кукушек» нам в школе снайперов говорили. Это выдумки малограмотных журналистов и киношников, придуманные легенды. Снайперы сами брали с собой цепи или ремни, чтобы на них опираться спиной. Иначе отдача может с дерева сбить. Там же, на ветке, положение неустойчивое. Здесь то же самое будет. Тем более с дальнобойкой.

Дульный тормоз не спасет, и амортизатор приклада не поможет. Я сразу оттуда свалюсь. Но сплелись они красиво. Я такого еще не видел.

Командир взвода старший лейтенант Галактионов, так и стоявший рядом, внезапно сделал шаг вперед и проговорил:

– Деревья будто незнакомы,
Но под землей, в крошечной мгле,
В тугой клубок сплелись их корни,
Невидимые на земле.

– Это что, старлей? – спросил командир роты.

– Китайский поэт Ай Цин. Стихотворение написано весной сорокового года.

– Ты что, китайскую культуру хорошо знаешь?

– Не особо, командир. Просто у меня мама преподает в университете современную китайскую литературу. Я только кое-что запомнил. Память пока еще меня не подводит. Что раз услышу, в голове само застревает.

– У ели корни, насколько я знаю, поверхностные, – сказал капитан. – Они по земле стелются. А как у березы, не знаю. Кто в курсе? – Командир роты поочередно посмотрел на старшего лейтенанта и старшего сержанта.

Они не были готовы ответить на этот вопрос, но тут в разговор вмешался сержант, который разгружал бронетранспортер:

– У березы, товарищ капитан, сначала растет главный корень, который уходит глубоко под землю. Потом он отмирает. В это время береза растет медленнее всего. Однако от главного корня расходятся под поверхностью земли боковые, на которых потом дерево и держится. Они тоже не сильно глубокие, но переплестись с корнями ели могут вполне.

– А ты кто, сержант, по образованию? Или у тебя мама тоже что-то такое преподает?

– Так точно, товарищ капитан. У меня мама преподает в лесотехническом колледже, который я до армии окончил. Только по профессии работать не стал. Права у меня только на колесный трактор, вот меня и посадили командовать БТР, а не БМП, как я просился.

– А почему просился? – осведомился Есипов, тут же поднял бинокль и взглянул на скалу с наблюдателем, который пока смотрел в другую сторону.

– На старых транспортерах были только пулеметы – ПКТ и КПВТ, а мне очень уж хотелось пушкой командовать. Даже во сне, еще на гражданке, ее видел. Однако на последних моделях они уже есть, с пулеметом спаренные. – Сержант похлопал ладонью по стволу автоматической тридцатимиллиметровой пушки. – Теперь я уже и не прошусь. Меня уже все вполне устраивает.

Старший сержант Логинов приподнял свою новую винтовку так, словно прикинул ее на вес, потом принял из рук сержанта короткий магазин, вставил его в гнездо крепления, дослал патрон в патронник.

Он передернул личинку затвора и сказал командиру разведроты:

– Извините, товарищ капитан. Сейчас наблюдатель как раз хорошо подставился. Этого момента упускать нельзя.

Старший сержант вместе с винтовкой запрыгнул на бронетранспортер и устроился позади башни. Сошки винтовки уперлись в нее.

Капитан Есипов опустил бинокль и наблюдал за действиями снайпера.

Логинов отлично понимал, что такой момент упускать нельзя. Наблюдатель противника желал рассмотреть позицию спецназа внизу, ближе к позиции банды. Он вылез из-за камня, за которым раньше прятался, и придвинулся ближе к краю скалы, нависающей над ущельем.

Голова у этого типа, похоже, совсем не кружилась. Однако камень больше не скрывал его. Теперь он сидел на скале, а не лежал на ней.

Лазерный дальномер определил дистанцию. Прицел автоматически подстроился под нее. Само прицеливание заняло минимальное время, никак не более трех секунд.

Грянул выстрел. Он был не настолько громким, как ожидали люди, наблюдающие за действиями снайпера, тем более что он выключил микрофон системы связи.

Командир роты как раз к моменту выстрела поднял свой бинокль и потому хорошо увидел, как сотряслось тело бандита. Еще через пару секунд он совершил резкое судорожное движение и полетел со скалы в ущелье.

– Первый взвод, на вас там бандит упал, да? – торопливо спросил капитан Есипов. – Он никого не зацепил ненароком?

– Нет, командир, между нами и вторым взводом рухнул, – ответил ротному лейтенант Волокушин, командир первого взвода. – Там как раз промежуток в позиции в два с половиной метра. Туда и попал.

– Сережа, посмотри у него в кармане. Переговорное устройство там есть?

Лейтенанту понадобилось три секунды, чтобы добраться до упавшего наблюдателя.

– Нет. Только сотовый телефон, – ответил он. – Сейчас номер определяю. Код девяносто...

– Это Турция.

– Турция, – согласился лейтенант. – Теперь документы смотрю. Да, гражданин Турции, хотя по национальности, насколько я могу их язык понимать, курд. Да, турецкий курд. Точно.

– Вот и хорошо. Значит, это наемник. Мы здесь воевать с ними будем на вполне законном для армии основании.

Тут, наверное, надо пояснить вот какой весьма любопытный момент. Официально спецназ военной разведки, представляющий российскую армию, имеет право участвовать в боевых действиях только для отражения внешней агрессии. Для борьбы с бандами существуют спецназ ФСБ и МВД. Есть еще и Росгвардия. Так говорят закон и различные подзаконные акты. Однако наличие наемников в составе банды как раз и рассматривается как акт внешней агрессии. А такие персонажи встречаются практически в каждой банде.

Старший сержант Логинов прыгнул с бронетранспортера и снова оказался перед командиром роты.

– Ты как, старший сержант, к похвалам относишься? – осведомился тот.

– Нормально, товарищ капитан, если они заслужены. Меня лично похвала обычно подбадривает, убеждает в том, что я все делаю правильно.

– Так все говорят. Даже те личности, которые после похвалы имеют обыкновение нос задирать. У тебя такой склонности нет?

– Никак нет, товарищ капитан!

– Тогда поздравляю с удачным первым выстрелом и принятием боевого крещения.

– Для меня, товарищ капитан, это не первый выстрел по противнику. Я раньше в мотострелковом батальоне служил. Мне доводилось уже повоевать.

– Да, я забыл, у тебя ведь даже медаль есть. А за что дали?

– Мы колонной в составе двух взводов передвигались по горной лесной дороге и попали в засаду. Передовую БМП духи подожгли. Я как раз в ней и ехал вместе с командиром взвода. Отстреливался из «Винтореза», а потом, когда внутри уже все гореть начало, вытащил сначала командира, потом механика-водителя. Командира в лес к своим унес, а потом и за мехводом под огнем вернулся. Тоже вытащил. Только его прямо на моем плече убили. В меня стреляли. Ему три пули досталось. Но хотя бы тело к бандитам не попало.

– Отбились вы в тот раз? – спросил Есипов. – Или отступили? Засада на два взвода должна быть довольно мощной.

– Да, отбились. Они нас и из пулеметов поливали и даже миномет приготовили, правда, всего два выстрела сделать успели. Тут как раз спецназ ГРУ подоспел. Вместе мы бандитов перебили, только полтора десятка в горы ушло. С тех пор я в спецназ ГРУ и начал проситься. А меня в Солнечногорск направили. Уже оттуда я к вам попал.

– Добро, – сказал старший лейтенант Галактионов. – Первое испытание ты выдержал достойно.

– Теперь тебе второе предстоит, – категорично заявил капитан Есипов. – В банде, которую мы в ущелье закрыли, объявился фрукт по прозвищу Три Апельсина. Знаешь, кто это такой?

– Никак нет, товарищ капитан. Хотя, кажется, что-то слышал краем уха.

– Да, ты же в Сирии не был, откуда тебе знать. В армии еще не служил, когда мы впервые с этим субъектом столкнулись.

– А что за субъект? – поинтересовался старший сержант Логинов.

Он по-настоящему заинтересовался тем типом, о котором шла речь. Это было видно по его лицу.

– Кто-то на значительной дистанции, то есть в тылах банды, иной раз выставляет на камень три апельсина. Словно предлагает попробовать откусить или подстрелить. Будто бы дразнится. А мы все традиционно очень не любим, когда нас провоцируют. Автомат на такую большую дистанцию не достанет. Разве что случайно. Однако снайперы наши по апельсинам стреляли. Но вот добром это не кончалось. После каждого выстрела снайпер получал пулю в лоб. Может быть, не сразу, но это обязательно происходило. Через минуту, три, а то и через пять. Но непременно обязательно, даже если менял позицию. Иногда как раз в то время, когда перемещался. Но пуля всегда попадала только в лоб. Это словно автограф бандитского стрелка. Как он вычислял нашего снайпера – непонятно. Но именно того находил, который по апельсинам стрелял.

В это время в верхней части ущелья началась активная автоматическая стрельба. Похоже было, что кто-то в атаку пошел, то ли бандиты на пограничников, то ли наоборот. Но и прекратилась она так же неожиданно, как и началась, перешла в вялую перестрелку. Так легко захлебнуться ни одна атака не может.

Есипов вытащил смартфон, нажал кнопку вызова и засунул аппарат под шлем, чтобы тот не мешал разговаривать.

– Капитан Глаголичев на связи, – услышал он.

– Василий Николаевич, капитан Есипов беспокоит. Это у тебя там стреляли?

– Нет, Виктор Васильевич. Я как раз трубку вытащил, собрался тебе позвонить. Думал, у тебя что-то произошло. Это не у меня. Где-то ниже по ущелью.

– Странно. Что же это была за перестрелка?

– Непонятно. Но здесь на распространение звука собственные физические законы влияют. Я однажды столкнулся с одним ущельем, где одиночный пистолетный выстрел слышался как артиллерийская канонада. Эхо так гуляло. Однако сегодня на это как-то не похоже. Я уже двенадцать лет в горах служу. С подобным искажением ни разу не сталкивался.

– Может, это бандиты друг в друга стреляли?

– Хорошо, если так, – сказал капитан Глаголичев.

Этот короткий разговор был доступен всем через систему связи, но капитан Есипов намеренно не отключил свой КРУС «Стрелец» на время разговора. Он хотел, чтобы его слышали все и не задавали потом лишних вопросов. Бойцы, скорее всего, и не спросят, но офицеры могут любопытствовать.

Видимо, на всякий случай стоит сказать, что комплекс разведки управления и связи (КРУС) «Стрелец» является важнейшей частью системы оснастки «Ратник» первой и второй модернизаций. Включает в себя различные составляющие, такие как постоянная гарнитура

связи внутри подразделения и с командованием, планшетные компьютеры офицеров и приемоиндикаторы солдат. Так называются упрощенные планшетные компьютеры, обеспечивающие постоянную связь бойцов с командиром, указывающие на карте месторасположение каждого из них в режиме реального времени.

В системе оснастки «Ратник-3» КРУС «Стрелец» заменен на новое, куда более прогрессивное оборудование. Например, монитор планшета перенесен на забрало шлема.

После этого капитан Есипов сказал в микрофон для общего сведения:

– Капитан Глаголичев возглавляет отряд спецназа погранвойск «Сигма». Это они подпирают банду сверху.

Командир разведывательной роты отключил связь и повернулся в сторону снайпера. Анастас двумя руками держался за длинный ствол своей винтовки, поставил приклад на плоский камень-блин, лежавший у него под ногами.

– Теперь слушай меня, старший сержант, – сказал капитан Есипов. – Тебе ставится задача избегать ближнего контакта с боевиками и пользоваться дальностью твоей винтовки. Ты обязан уничтожить бандитского снайпера, которого давно уже зовут Три Апельсина. Здесь, в этих горах, он всем насолил еще до тринадцатого года, а потом внезапно куда-то исчез. Через пару лет, уже в пятнадцатом, пошли слухи о том, что этот фрукт объявился сначала в Ираке, а потом и в Сирии. Там он тоже много крови пролил. Ладно, в Ираке этот стрелок америкосов бил. Хорошо с этим управлялся. Янки так его боялись, что целую группу снайперов из самих Штатов специально выписали, за ним охотиться. Он тогда исчез опять. Даже слухи пошли о том, что эти самые снайперы смогли все-таки его подстрелить. Но это оказалось очередным американским хвостовством. Снайпер вместе со своим эмиром и со всей бандой в Сирии объявился. Там за ним тоже охотились, теперь уже наши снайперы, но бесполезно. Теперь вот он в Дагестан вернулся. Снова нас доставать будет.

– Хорошо бы авиацию вызвать, – заявил старший лейтенант Галактионов.

– Хорошо бы, конечно, – согласился с ним Есипов. – Только кто нам ее выделит? Скажут, заперли вы бандитов в ущелье, вот теперь сами и уничтожайте их. Для того, дескать, перед ними границу и раскрыли, чтобы их зажать покрепче было можно. Наше командование только так и мыслит. А авиация у нас летает только в дальние районы, куда долго наземным транспортом добираться, там и бомбит. Подразделениям, действующим в тех местах, подмоги ждать неоткуда.

Глава 3

Капитан Есипов, старший лейтенант Галактионов и старший сержант Логинов подошли к воротам ущелья.

Там командир разведывательной роты обернулся, раскрытой ладонью остановил всех, кто с ним шел, но обратился к одному старшему сержанту:

– На позицию взвода тебе ходить пока запрещено. Думай относительно собственного расположения, чтобы было возможно использовать все дальнобойные качества твоей винтовки. Тебе такое оружие не зря доверили. Из всей нашей армии она стоит на вооружении только у спецназа военной разведки. Ну, может быть, есть в спецназе ФСБ или в ФСО, но это уже не армия, хотя звания у них военные.

– Это у ментов звания служебные, и потому им такую винтовку не доверяют, – довел до конца мысль командира роты старший лейтенант Галактионов. – А тебе вот его вручили, несмотря на странное, мягко говоря, имя.

– А чем имя у него странное? – с недоумением осведомился командир роты. – Анастас. Так, кажется, знаменитого советского деятеля Микояна звали.

– А вы попробуйте солдатам доказать, что старшего сержанта зовут не Ананас.

– А что вообще такое ананас, ты мне скажешь?

– По-моему, плод какой-то пальмы.

– А по-моему, это южноамериканское и африканское огородное растение, известное еще с шестнадцатого, кажется, века. Плод огородной травы с таким же именем. Она только иногда вырастает до колен нашего длинноногого Анастаса, – резко ответил капитан Есипов. – А солдаты должны приказ выслушивать и исполнять. Если командир взвода им прикажет, то они обязаны будут называть снайпера Анастасом, а не Ананасом. Это я тебе напоминаю функциональные обязанности командира взвода. Да и твоих бойцов тоже. – Командир разведроты говорил все это с включенным КРУСом.

Следовательно, вся рота слышала его слова точно так же, как командир взвода старший лейтенант Галактионов и сам снайпер Логинов, оставшийся весьма довольным тем, что капитан свой КРУС не отключил. Старший сержант понимал, что теперь парни его будут звать по настоящему имени, а не по названию южноамериканской и африканской огородной культуры.

Вместе с тем снайпер слегка растерялся оттого, что стал свидетелем такого резкого разговора командира роты с командиром взвода. Он намеренно отстал на несколько шагов, якобы не слушал офицеров и старательно поглядывал по сторонам, хотя слова капитана доносились до него не по воздуху, а через наушники, как и до всего личного состава разведывательной роты.

– Ты где, старший сержант? – не оборачиваясь, спросил капитан.

– Присматриваю место для себя, как вы и приказали, товарищ капитан, – ответил Анастас.

До задней оконечности позиции роты оставалось около шестисот метров, до расположения бандитов – тысяча шестьсот, как показал дальномер прицела новой винтовки. Аналогичным же прибором была оснащена и старенькая СВД, которую Логинов нес на левом плече.

Если снайпер бандитов имеет такую же СВД или «Винторез», особенно любимый боевиками, то он, скорее всего, не сможет без выдвигания вперед достать до позиции Анастаса. А сделать это ему никак не позволят ни бойцы спецназа, ни сам снайпер Логинов.

– Товарищ капитан, а у этого типа, который страдает любовью к трем апельсинам, винтовка какая? – осведомился старший сержант.

– А кто ж его знает. Могут сказать только, что калибр чаще всего девять миллиметров, с глушителем. Но в последнее время он стал иногда стрелять и из дальнобойки. Калибр двенадцать и семь десятых миллиметра. Наверное, несколько винтовок имеет.

- Скорее всего, сначала у него был «Винторез» или ВСК-94.
- Обоснуй!
- Эти модели винтовок чаще всего у бандитов встречаются. Ночью тоже стреляет?
- И днем, и ночью. Неизвестно, когда он спит.
- Он или она, – добавил старший лейтенант Галактионов.

Старший сержант уже понял, что командир взвода был человеком отходчивым, не умел подолгу держать на кого-то зло и обиду.

– Здесь, на Северном Кавказе, в снайперы часто молодых женщин берут, – сказал Галактионов.

– Этот снайпер прибыл из Сирии. Там успел отметиться именно с дальнобойкой, – произнес капитан Есипов. – Шутник такой! Три апельсина он, видите ли, выставляет. Тут уж любому снайперу наверняка захочется себя проверить и в этот апельсин выстрелить. Если этот фрукт так делает, значит, заманивает, заставляет подставиться под пулю. Это-то и злит. Поэтому люди и стреляют, даже зная, что за этим последует.

– Сначала он из одной винтовки стрелял, потом новую каким-то образом раздобыл и стал ее использовать. Я, товарищ капитан, пожалуй, вон там устроюсь. – Логинов показал на довольно высокий скальный уступ, весьма крутой со всех сторон. – Оттуда видно будет хорошо и далеко.

– А вскарабкаться сможешь? – поинтересовался Есипов. – Ну да, ты же у нас спортсмен. Однако мы все тут в той или иной степени спортсмены. Ты на будущее имей это в виду. Но не все на скалы лезут.

– Ничего, я заберусь. У меня есть вполне нормальная горная подготовка.

– В мотострелках, что ли, обучали? С бронетранспортера по стволу пушки взбирался?

– Да, в мотострелках тоже слегка обучали. А в школе снайперов на полосе препятствий свой скалодром был. Нас же всех в основном именно сюда, на Северный Кавказ, готовили.

– Это мне говорили. Но отправляли только лучших. А оборудование для скалолазания у тебя есть?

– Все с собой, в рюкзаке.

– Ладно, забирайся, а мы с твоим командиром взвода понаблюдаем за тобой, посмотрим, что за новичка нам прислали.

– СВД мне оставь. У тебя теперь другая винтовка, куда более высокого уровня, – сказал командир взвода. – Эту я кому-нибудь приспособлю или себе оставлю. Тоже пострелять на досуге по бандитам люблю. Есть у меня такая слабость, наверное, вполне простительная.

Логинов послушно протянул старую винтовку Галактионову. Ему самому она уже действительно была не нужна.

Резко, как обычно и бывает в горах, пришли сумерки. Ночь еще не наступила, но вечер обещал быть совсем коротким.

На скалу старший сержант забирался с чувством, с толком, с расстановкой, то есть вдумчиво, не спеша, не совершая ни малейших ошибок. Сначала он нашел подходящую трещину, добрался до нее, подтягиваясь на руках и лишь изредка помогая себе ногами. Потом Анастас вбил в эту трещину крюк, проверил, как он там держится, закрепил на нем связку для само-страховки и полез выше.

Для подъема ему потребовалось перебивать крюки четырежды. В другой обстановке Логинов обошелся бы и двумя. Он был вполне уверен в силе своих рук. Но внизу стояли капитан и старший лейтенант. Они наблюдали за его работой, словно желали проверить соблюдение им правил безопасности.

Анастас придерживался их. В отсутствие офицеров он забрался бы на скалу гораздо быстрее, эти самые правила нарушая. Крюки старший сержант оставил в стене, чтобы удобнее было

спускаться в темноте, когда время придет. На веревке он сразу закрепил пару обратных жумаров, чтобы не задерживаться понапрасну на пути назад.

Жумар – часть снаряжения альпинистов, скалолазов, спелеологов и спасателей, применяющаяся для подъема и спуска веревки. Он представляет собой зажим кулачкового типа. Различаются прямые жумары, пригодные для подъема, и обратные, приспособленные для спуска по веревке. Вторые используют силу кистей, тогда как первые – всех рук и умение подтягиваться. Прямые и обратные жумары имеют слегка различную конструкцию.

Как прямыми, так и обратными жумарами запрещается пользоваться при подъеме и спуске по специальной альпинистской динамической веревке. Нельзя также применять полиспаст, потому что шипы, расположенные на кулачках жумаров, вполне могут сильно повредить саму веревку, вплоть до ее обрыва при дополнительном сильном рывке.

Взбираться на скалу с длинной дальнобойной крупнокалиберной винтовкой было сложно. Однако Анастас легко справился с этой задачей благодаря своей хорошей спортивной подготовке.

– У тебя, старший сержант, сильные руки, – оценил его работу командир взвода старший лейтенант Галактионов. – Они легко тебя самого таскают. Для боксера накаченные руки не есть хорошо, как я слышал. А ты, похоже, немало тяжестей таскал.

Говорить можно было без натуги. Гарнитура связи позволяла это делать, хотя расстояние от дна ущелья до вершины скалы составляло где-то пятьдесят метров, может быть, немного меньше.

– Боксерам предпочтительнее работать с весом собственного тела, а не с тяжестями. У нас в спортзале специальные тренажеры стояли. Каждый с собственным весом тренировался, – произнес Анастас.

– Что за тренажеры такие? – спросил командир разведроты, проявляя неподдельную заинтересованность.

– Блочные системы Чака Норриса. Его изобретение. Для боксеров они подходят так же хорошо, как и для каратистов.

– Надо будет заказать такие штуковины для бойцов роты. Или самим под руководством Анастаса сделать. – Капитан Есипов показал свою практичность, умение вылавливать везде пользу для своих бойцов. – Для развития силы удара наверное и с тяжестями работать надо, – предположил командир роты, достаточно крепкий сам по себе, от природы, да еще и основательно подкаченный.

– Удар мы развивали иначе, кувалдой по тракторному колесу молотили. Не по нему самому, а только по крышке, естественно. По тысяче ударов за тренировку. Еще по столько же в день с каждой руки по мешку. Больше нельзя. Мышцы забиваются, скорость теряется.

– Понятно, – сказал капитан. – Ну да ладно. Как там наверху? Место удобное?

– Вполне. Мне почти весь бандитский лагерь виден кроме передового бруствера. Расстреливать боевиков отсюда можно. Дальности винтовки хватит. Думаю, что буду представлять для них серьезную опасность. Если только меня самого из дальнобойки не достанут. Дистанция и для них подходящая, хотя и великовата. Однако меня она вполне устраивает. Духи не ожидают пули с такой дистанции. Тем приятнее, думаю, будут их ощущения. А достать меня из гранатомета они не смогут. Дальность не позволит. – Старший сержант Логинов замолчал, улегся поудобнее, даже ноги вытянул.

При этом он нечаянно посмотрел влево, где скала примыкала к каменно-земляной стене ущелья.

– Товарищ капитан, тут, кажется, какой-то лаз из стены есть. Мокрый, вернее сказать, просто влажный, но ручья нет. Это может быть простой конденсат. Днем камень нагревается на солнце, с заходом остывает, и образуются капельки воды. Они при лунном свете блестят. Сейчас я фонариком подсвечу, тогда виднее будет.

– Что там за лаз? – обеспокоенно спросил командир разведроты. – Рукотворный он или природный? Человек там пробраться сможет? Или хотя бы ствол оттуда выставить?

– Десять секунд! Я сейчас проверю.

Логинов включил фонарик и осветил в стену. Он тут же убедился в том, что лаз был вполне пригоден для того, чтобы через него ползком выбрался человек.

Старшему сержанту не хотелось вставать и снова ложиться ради всего двух метров. Поэтому он именно так, ползком, подобрался ближе к лазу и сперва осмотрел его снаружи. Между скалой и стеной ущелья тянулась трещина, некогда мощная, а сейчас полностью засыпанная землей.

После этого Анастас осветил внутрь лаза. Встречного выстрела он при этом не ожидал, знал, что уже получил бы пулю или даже целую очередь, если бы под землей находился враг.

– Через два метра поворот. Дальше не видно. Проверить, что там? А снаружи много земли насыпано. В темноте не понять, то ли ее из лаза вытаскивали, то ли просто обвал был. Короче, я проверю, что внутри, да?

– Ну так не мы же будем проверять! – ответил на это командир взвода старший лейтенант Галактионов.

– Я пролезу. Только винтовку оставлю.

– У тебя еще какое-то оружие есть? – спросил капитан. – Что-то компактное?

– Нож, лопатка и пистолет. Как и положено снайперу для самозащиты.

Вообще-то, снайпер, отправляясь на нейтральную полосу, обычно берет с собой автомат с глушителем или пистолет-пулемет. Это на тот случай, если с другой стороны на ту же нейтралку будет выбираться разведка или снайпер противника.

– Понятно. Проверяй! Только про осторожность не забывай.

– Я к себе всегда отношусь уважительно, товарищ капитан. За осторожность могу отвечать, – ответил старший сержант вполне серьезно и честно.

Анастас хотел было уцепиться руками за каменный верхний свод, слегка выпирающий естественной аркой над лазом, чуть подтянуться, оторвать свое сидище от скалы и нырнуть вперед ногами. Однако он тут же подумал, что это, во-первых, примета нехорошая – вперед ногами. Плох тот снайпер, который приметам не доверяет. Во-вторых, так передвигаться попросту опасно. А вдруг впереди затаился вооруженный враг, который пока еще не хочет стрелять? Он надеется, что его не обнаружат, и только в последний момент решится применить оружие.

Гораздо лучше ползти, выставив перед собой ствол пистолета, зажатого в одной руке, нож держать в другой руке и быть всегда готовым к неожиданной встрече. Зря, что ли, он так настойчиво просился продолжать службу в спецназе военной разведки! Парень ощущал себя готовым к таким ситуациям.

Когда Анастас полез вперед лицом в лаз, он не только ждал, что впереди окажется враг, но даже сам желал, чтобы так оно и вышло. Пусть бандит сидит там, даже слышит его, надеется захватить живым, доставить в свой базовый лагерь и допросить. Но сделать это противнику не удастся. Он очень хорошо умеет драться, даже лежа способен нанести боевику, находящемуся в равном положении, такой удар, выдержать который тот никак не сможет.

Старший сержант пробрался ползком на два метра вперед и оказался перед относительно большим и ровным пространством, тщательно обработанным лопатами и кирками. Сначала он даже не понял, что находится на дне колодца. Нет, не того, из которого люди черпают воду, а подземного перехода, меняющего уровень горизонтальной плоскости передвижения.

– Анастас! – раздался в наушниках голос командира роты.

– Слушаю вас, товарищ капитан.

– Что там у тебя?

– Пролез внутрь. Через два метра попал на дно колодца. Высота его составляет около четырех метров. Сверху свисает веревка. Где она зацеплена, мне не видно. Могу по ней выше забраться. Попробовать?

– Вевка крепкая? Негнилая?

– Крепкая. Синтетическая. Этот материал сгниет не скоро.

– Забирайся. Исследуй и докладывай постоянно про каждый поворот, длину, высоту и ширину галереи. Как передвигаешься, тоже рассказывай, говори, где ползком, где верхом.

– Верхом, товарищ капитан, здесь можно разве что на крысах скакать. Одну я уже видел. Она, правда, не оседланная и вообще, похоже, не обьезженная. Ускакала вприпрыжку.

– Крыс не боишься?

– Это они меня боятся. Я к ним равнодушен.

Говоря честно, вначале старший сержант Логинов ожидал, что командир разведроты остановит его и вернет назад. А он будет сам проситься продолжить проверку. Парень уже неоднократно слышал, что в спецназе военной разведки каждый боец – самостоятельная боевая единица, но при этом полагал, что все-таки не до такой степени, чтобы одному лезть в подземный переход и исследовать его, рискуя встретить здесь целое подразделение банды.

«Кто в самом-то деле кроме боевиков мог прорыть этот проход? Только бандиты или их пособники, – подумал Анастас. – Будь у меня в руках автомат или, еще лучше, пулемет, хотя бы ручной, с которым несложно перебираться под землей, я бы чувствовал себя намного увереннее и лучше. Даже со снайперской винтовкой ощущал бы большую силу, чем с пистолетом и ножом.

Но теперь возвращаться за оружием уже поздно. Если до колодца я добирался около десяти минут, то и на обратный путь потрачу столько же времени. А потом еще десять минут уйдут на то, чтобы вернуться на уже знакомую позицию. Это будет выглядеть не только как слабость тела, но и, главное, как отсутствие того самого боевого духа, который должен быть присущ всякому спецназовцу».

Именно его, дух спецназовца, и стремился показать старший сержант Анастас Логинов, чтобы стать в разведывательной роте своим человеком. Не заменой прежнему снайперу, а самим собой, таким, какой он есть.

Парень выпрямился во весь свой немалый рост, посветил фонарем вверх и несколько раз с силой дернул за веревку, определяя, насколько прочно она закреплена где-то там выше, в месте, которого он снизу увидеть был не в состоянии. После этого Анастас зажал фонарь зубами и взялся за веревку двумя руками.

– Старший сержант, ты с минным делом знаком? – спросил капитан Есипов.

Чтобы ответить, Логинову пришлось вытащить фонарь из рта.

– Только теоретически, товарищ капитан, – честно сказал снайпер. – На практике только на занятиях с учебными пособиями работали, разбирали разные мины-ловушки, которые могут на нейтральной полосе встретиться. У снайпера ведь основная работа именно там. А в реальности с минами встречаться мне пока не приходилось.

– Осторожнее там. Проход может быть заминирован. Особенно внимательно следи за колодцами. Часто бывает заминирована нижняя часть стены, а растяжки идут к какому-то темному месту. Если вообще света нет, то туда, где ты не ожидаешь опасности. Будь аккуратен. У нас в ущелье, кстати, уже полноценный бой разворачивается. Особенно в верхней части. Кажется, пограницы в наступление двинули. Надо бы поддержать их. Поторопись. Меня рота ждет. А нам всем помощь твоей винтовки необходима. Действуй быстрее. Может, найдешь еще один выход, откуда можно бандитов расстреливать.

– Я все понял, товарищ капитан, уже половину колодца преодолел.

Старший сержант и в самом деле уже добрался до середины колодца. Делал он это обычным способом, именно так, как его вместе с другими солдатами обучали на стандартной полосе

препятствий. Толстая веревка была пропущена между ступнями. Она загибалась там так, что они зажимали ее нижний конец и позволяли ногам выпрямиться. При этом работа руками сводилась только к тому, чтобы перебирать веревку между кистей.

Нож в момент подъема был убран в ножны, а пистолет – в кобуру на пояском ремне. Она висела не на спине, как обычно носят большинство спецназовцев, а спереди и слегка сбоку, с левой стороны. Так старшему сержанту было удобнее вытаскивать оружие в случае необходимости. Фонарь он вообще держал зубами, что мешало ему говорить. Во время общения с командиром роты Анастас вынимал его изо рта и держал в руке, всунутой в петлю из синтетического шнура.

Когда до выхода из колодца оставалось около полуметра, в работу полностью включились руки, а ноги только чуть-чуть помогали им. Теперь передвижение ускорилося почти вдвое. Таким вот образом старший сержант добрался до самого верха, выглянул из колодца, не пользуясь фонарем, и ничего не увидел вообще. Темнота вокруг была полной.

– Что там у тебя, Логинов? – спросил старший лейтенант Галактионов.

– Высунул голову из колодца. Пытаюсь всмотреться в полную темноту, однако ничего не вижу, товарищ старший лейтенант.

– Подсвети себе фонарем.

– Подсвечиваю. Передо мной длинный коридор.

– Направление?

– Точно определить трудно. Но думаю, вдоль хребта. Совершенно прямой. Его как по линейке рубили. Длина около пятидесяти метров.

– Высота?

– Выше человеческого роста. По ширине – втроем можно рядом идти, друг друга едва задевая. Короче говоря, около ста пятидесяти – ста восьмидесяти сантиметров.

– Так там вырубленный переход? Не природный? – повторил свой вопрос командир роты.

Этот момент, похоже, изрядно волновал его. Но оно и понятно. Если бандиты вырыли подземную галерею, то вовсе не ради того, чтобы по ней кто-то им в тыл выходил. Как раз наоборот. Они сами могли ударить спецназовцам в спину.

– Так точно, товарищ капитан. Заметны следы человеческой деятельности. Люди работали лопатами и кирками. Крыс тут много. Вон целая стая побежала. Штук восемь, кажется. Света фонаря испугались. Откуда только они выскочили, непонятно.

– Продвигайся дальше! – прозвучал приказ командира взвода.

– Есть, продвигаться дальше, товарищ старший лейтенант. Я уже выбрался из колодца. Уже в горизонте нахожусь.

– Горизонт – это что-то из шахтерского лексикона? – спросил капитан Есипов.

– Понятия не имею, – ответил Галактионов. – У меня в семье шахтеров нет. Старший сержант, ты слышал вопрос?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Я читал где-то в интернете, что так спелеологи галереи называют. Но эти сведения не из первых рук. Журналисты часто терминологию путают.

– Пусть называют хоть горшком, лишь бы в печь не садили, – заявил капитан Есипов. – Мы обычно говорим так, как нам привычнее. А верить интернету никак нельзя. Там три слова вранья – одно слово правды. Это еще в самом лучшем случае.

Командир разведывательной роты, видимо, был почему-то зол на интернет, а старший сержант пользовался им крайне редко. У него смех вызывал, например, факт, когда их преподаватель в школе снайперов выписал в интернете какой-то видеорегиистратор, а ему пришла вместо этого некая китайская игрушка, мало на что годная, но по цене вдвое более дешевая, к тому же работающая только в сетях китайских операторов сотовой связи. Такие вещи случались с каждым вторым покупателем товаров через интернет.

Мать Анастаса купила когда-то таким вот способом семена ковыля для дачи, а ей вместо него прислали пакетики с семенами чертополоха. Женщина, конечно же, не думала об обмане, посадила семена перед домом и даже соседу заплатила, чтобы тот перепахал землю на мото-блоке. А выросли там громадные лопухи.

Конечно, чертополох тоже растение полезное, однако его колючки трудно выдирать из одежды, а уж тем более из шерсти собаки. А мать старшего сержанта держала дома лохматейшего ньюфаундленда, которого и без присутствия колючек во дворе приходилось ежедневно тщательно вычесывать.

Глава 4

Старший сержант выбрался из колодца и двинулся вперед по коридору. При этом в левой руке он держал фонарь, а в правой – пистолет, смотрящий стволом вперед. Анастас в любую секунду готов был произвести выстрел. Но пока стрелять было не в кого. Разве что в крыс, которые опять в невероятном количестве появились в коридоре и стремглав бросились бежать впереди Логинова.

Но в бедных, гонимых всеми животных он стрелять не стал. Да и попасть в какую-то конкретно выбранную крысу было проблематично. Слишком уж стремительно они убежали.

Можно, конечно, было пальнуть наугад прямо в плотную стаю. Тогда пуля наверняка поразила бы какую-то крысу.

Только вот такая жестокость была совершенно ни к чему. Утверждения собственной силы это убийство не принесло бы. Логинов и без того был сильнее их. Крысы, даже в большом количестве, его опасались.

И вообще, так легко, оказывается, можно отнять чужую жизнь! Даже какого-то жука или комара. Причем просто так, без всякой целесообразности. Люди делают это, не задумываясь о необходимости подобного поступка. Просто машинально. Но тот человек, который готов машинально убить крысу, потом так же машинально может убить и человека.

Профессия обязывает снайпера бережно относиться к любой жизни вообще, в принципе. Только тогда он не будет чувствовать себя убийцей. Так Анастаса учили.

Это делал человек, прошедший с винтовкой СВД афганскую и две чеченские войны, на счету которого было великое множество убитых врагов. Но их он считал только врагами и никем более.

Но старший сержант сам видел, как этот человек плакал над ежиком, задавленным внедорожником. Тот, наверное, шел домой, к детям, может быть, строил планы на дальнейшую жизнь. А она оборвалась так внезапно и нелепо. Только потому, что кому-то лень было затормозить.

Но враги – это совсем иное дело. Они строят прямо противоположные планы. Так говорил немолодой преподаватель. Враги стремятся уничтожить других людей. Может быть, тех, кто несет домой заработную плату или даже просто хлеб, чтобы накормить жену и детей. Потому эти мерзавцы подлежат уничтожению. Они являются не только личными врагами конкретного снайпера, но и всех людей, которым мечтают навязать свою волю, собственный образ мыслей, не понимают и понять не желают, что каждый человек имеет право жить и думать по-своему.

В темноте коридор тянулся непростительно долго. Это, видимо, было заметно и внизу. По крайней мере, командир взвода старший лейтенант Галактионов показал, что обладает меньшей выдержкой, нежели командир разведывательной роты капитан Есипов.

– Старший сержант, почему не докладываешь? Что там у тебя? – осведомился он и добавил: – Писк какой-то доносится.

– Это, товарищ старший лейтенант, крысы бегут и на бегу пищат. Никогда не видел сразу столько крыс. Откуда только они вылезли, не могу понять. Стоп!.. Кажется, я что-то нашел.

– Что там у тебя? – спросил наконец-то и командир роты.

– Сейчас доложу, сам сначала разберусь.

Старший сержант Логинов обратил внимание, что последняя стая крыс выскочила откуда-то сбоку. Их было немало, похоже, больше двух десятков. Однако они не набежали на него сзади, не огибали с двух сторон. Крысы вообще, скорее всего, не стали бы догонять человека, постарались бы бежать в противоположную сторону. Однако они явно выскочили неведомо откуда, словно из-под земли.

Поэтому старший сержант перевел луч фонарика в низ стены, сразу обнаружил множество нор. И тут же доложил об этом командиру роты:

– Товарищ капитан, тут великое множество крыс. Столько этих тварей я еще никогда не встречал. Под стеной все изрыто норами. Такое впечатление, словно их специально кто-то бурил. Мне кажется, что не я их побеспокоил. Они откуда-то со стороны убегают. Только непонятно, от кого именно.

– Чем там может прокормиться такое множество крыс? – сразу спросил практичный по жизни старший лейтенант Галактионов. – Похоже, в этих подземельях есть что-то съедобное.

– Ты вот что, Анастас, напрямую в норы не свети, – не возражая старшему лейтенанту, проговорил капитан Есипов. – Они могут связывать коридор с другим помещением. У тебя есть какая-то возможность измерить длину и глубину этих самых нор?

– У меня есть в рюкзаке кусок провода. Можно его просунуть.

– А что это даст? – заявил старший лейтенант. Если бы норы были глухими, тогда еще понятно. А они не такие... Я, как и командир, предполагаю, что эти норы представляют собой сквозные проходы в другое помещение, в котором кто-то есть. Скорее всего, там как раз находится тот человек, который крыс спугнул. Надо искать переход туда. Он должен быть где-то дальше по стене. Только не свети фонариком. Можешь себя раньше времени обнаружить. Возможно, там расположен продовольственный или оружейный склад бандитов. В одиночку туда человека не направят. Один должен показать, что-то выбрать, а другой будет нести то, что требуется. Несколько человек там. Отследи, где они будут выходить. Если бандиты имеют возможность попасть к нам в тыл, значит, она есть и у нас. Такое грех упускать. Работай, старший сержант. Аккуратность предельная!

– Работай! – подтвердил это распоряжение командир разведывательной роты.

Говоря честно, после предположения командира взвода о присутствии рядом нескольких бандитов, старший сержант Логинов понадеялся, что ротный немедленно отзовет его назад. После этого он сам предложит сделать то, о чем сейчас сказал старший лейтенант. Тогда это выглядело бы геройством, к которому, по большому счету, Анастас стремился всегда. Даже в детстве будучи школьником, когда выпрыгивал на перемене из окна довольно высокого второго этажа.

Но чему быть, того не миновать.

Получен боевой приказ, который, скорее всего, в спецназе может считаться обыденным. Однако для любого мотострелка, каковым раньше являлся старший сержант Логинов, это дело было бы чем-то выдающимся. Да, в мотострелковом подразделении такой приказ, говоря честно, и получить было бы невозможно. Там так бойцам не доверяют, каждый из них не является самостоятельной боевой единицей. Но раз уж сам старший сержант напросился продолжать свою службу в спецназе военной разведки, то он, даже не приобретя еще необходимого опыта, уже автоматически стал считаться способным на серьезные действия.

Анастас выключил фонарь, убрал его в чехол, висящий на поясе, положил левую руку на стену и таким вот образом стал продвигаться дальше, постоянно оставаясь настороже. Пистолет в его руке подрагивал, но не от страха, а от нетерпения.

На всякий случай старший сержант подстраховался и отстегнул на спине клапан чехла малой саперной лопатки. Теперь, при возникновении такой необходимости, он мог быстро убрать пистолет или нож. Тот, как и полагается в спецназе, был сделан из черной оксидированной стали и имел только одну светящуюся полоску – в месте заточки лезвия.

Но и лопатка у него была заострена до предела. Старший лейтенант Галактионов поздно вечером, накануне отбытия на Северный Кавказ, пришел в казарму и принялся проверять заточку лопаток. Делал он это весьма своеобразным методом. Командир взвода заставлял своих бойцов побриться лопатками.

Старший сержант Логинов по матери был болгарин, следовательно, имел склонность к поросли на щеках и подбородке. Он брился своей лопаткой и даже получал от этого некоторое удовольствие. Она и в самом деле была заточена не хуже бритвы. Этому способствовала и сталь, из которой была изготовлена лопатка. Она точилась не слишком легко, зато долго сохраняла остроту.

В тот вечер довольным остался не только сам Анастас, но и старший лейтенант. Хотя он все же заставил двух бойцов подправить заточку своих малых саперных лопаток.

– Волокушин! – позвал капитан Есипов по связи командира первого взвода.

Анастасу, естественно, этот разговор был слышен.

– Пришли мне двух бойцов понадежнее. Дело для них есть.

Старший сержант не удивился тому факту, что лейтенант Волокушин не спросил, куда именно надо послать бойцов. У Анастаса, как и у других бойцов спецназа, имелся приемоиндикатор. На экране этого прибора зеленые точки обозначали местонахождение каждого бойца, красные – офицера.

Все офицеры роты имели при себе многофункциональные планшетники. Они точно такими же точками показывали местонахождение всего личного состава подразделения.

При этом старший сержант догадывался, что капитан вызывает пару бойцов в помощь ему, хотя сам Логинов о помощи не просил. Конечно, противников у него может оказаться несколько, и справиться с ними в одиночку будет сложно. Но в самом Логинове жила такая непоколебимая уверенность в собственных силах, что он готов был согласиться с тем, чтобы врагов у него было даже пятеро или даже больше.

Однако Анастасу следовало справиться с ними до того, как капитан успеет объяснить помощникам их задачу и они сами смогут догнать старшего сержанта. Чем сложнее задача, тем почетнее будет ее успешное выполнение.

– Логинов! – позвал его старший лейтенант Галактионов. – Ты уж постарайся вести себя потише. Лучше бы не стрелять. Но это по возможности. Себя побережь тоже следует.

– Понятно, товарищ старший лейтенант. Но мне пока и стрелять не в кого, – внятным шепотом ответил Анастас, не останавливаясь ни на секунду.

Но совету командира взвода он все-таки последовал и убрал пистолет в кобуру, решил обойтись без стрельбы. После этого старший сержант засунул нож в ножны, в левую руку взял малую саперную лопатку, тут же сжал и разжал правый кулак, словно попробовал, насколько рука ему послушна.

С ней было все в порядке. Она была готова нанести удар. А что такое удар мастера спорта по боксу, Анастас знал лучше других.

Старший сержант Логинов чуть-чуть согнул правый кулак, чтобы при ударе не выбить себе сустав, и продолжил движение в том же направлении. Он по-прежнему ощупывал левой рукой стену, но старался, чтобы лопатка, зажата в ней же, ее не касалась, не издавала характерных металлических звуков. Однако дважды или трижды лезвие лопатки все же стену задевало. Звук был тонкий и не громкий, но этому помещению явно чуждый.

Крысы больше из-под стены не выбегали, но и никуда не делись, по-прежнему путались под ногами. Даже преднамеренно наступить на эту живность было бы неприятно. Вообще на любую живность, но на крысу особенно.

Старший сержант Логинов сам ничего практически не видел, а эти твари прекрасно ориентировались и в полной темноте. По крайней мере, Анастас несколько раз ощущал какое-то движение вокруг своих ног. Крысы сами категорически не желали, чтобы он на них наступил, уворачивались от беззастенчивых берцев, иногда даже возмущенно попискивали, словно он отдавал им хвост. Но сам Логинов ничего такого не чувствовал. Толстая подошва берцев и не позволила бы ему это уловить. Но парень подумал, что если бы наступил на хвост мелкого грызуна, то сразу последовал бы рывок. Анастас обязательно ощутил бы его.

Но передвигался он при этом непростительно медленно, что осознавал и потому ноги начал переставлять быстрее. Но и это старший сержант сделал постепенно, чтобы крысы привыкли к такой скорости его ходьбы и уворачивались от ног так же уверенно, как и прежде. Раздавить кого-то в темноте он откровенно не желал. Не только потому, что последовал бы обязательный громкий писк, подхваченный другими крысами. Парень просто жалел этих несчастных, гонимых всеми тварей.

Таким вот образом он наконец-то добрался до какого-то угла, однако понял это не сразу, а только после того, как его рука провалилась в пустоту, не обнаружила привычной уже стены слева. Ладонь тут же начала шарить и нащупала другую стену, стоящую под углом градусов в сто двадцать к первой. Включить фонарь, чтобы сориентироваться, старший сержант не решился, но остановился и прислушался.

Ему показалось, что он разобрал неподалеку слабый шепот. За этим последовал такой же тихий ответ на него.

Мозг старшего сержанта сразу просчитал ситуацию. Если эти люди пришли сюда по какой-то надобности, то надеялись, что здесь никого кроме крыс не может быть. До этого они наверняка молчали, но сейчас разговаривали шепотом. Следовательно, что-то или услышали, или просто догадались о присутствии постороннего человека и не желали показать свое собственное присутствие.

– Старший сержант, ты говорить можешь? – спросил капитан Есипов.

– Нет, – сосредоточенно, почти сердито, коротким шепотом ответил Анастас.

Ему понравилось так разговаривать с командиром роты. Тот на подобный тон не отреагировал, однако сам старший сержант почувствовал себя почти генералом, общающимся с каким-то там капитаном.

– Понял. Работай. – Эти слова мог слышать только сам Логинов и бойцы разведроты, но никак не те люди, которые затаились где-то впереди.

Наушники под шлемом прилегли к ушам так плотно, что иногда болели раковины.

Зажигать фонарь было нельзя. Луч света наверняка сразу же подтвердит предположение противника о том, что кто-то находится рядом. Там, где затаились двое людей, что-то шепнувших друг другу, может оказаться еще, как минимум, пара врагов. До поры до времени они молчат. Встретить же здесь друзей старший сержант Логинов не надеялся. Им в этом подземелье просто неоткуда было бы появиться.

Левая рука Анастаса, сжимающая малую саперную лопатку, обнаружила еще один поворот. При этом стену старший сержант ощупывал не пальцами, а основанием ладони, держа лезвие лопатки направленным почти в свое лицо, чтобы оно случайно не задело камень или землю и снова не звякнуло. Ведь вполне могло случиться, что именно этот звук и привлек внимание невидимого противника.

Он шагнул в темноту, именно туда, откуда, как ему показалось, недавно доносился шепот. Присутствие человека перед собой Логинов ощутил физически. Может быть, он уловил тепло тела или почувствовал дыхание. Сразу парень даже не понял, что это было.

Только постояв два десятка секунд без движения, он услышал вдруг стук своего сердца. Оно колотилось ровно, но часто, показывало, что Анастас волнуется. А ведь он всегда считал себя хладнокровным и бесстрашным человеком, который выходил на ринг совершенно спокойно, даже зная, что противник сильнее его. Логинов настраивался на победу, мотивировал себя. Может быть, именно поэтому он и выигрывал бой даже тогда, когда у него, казалось бы, не имелось никаких шансов на это.

Но Анастас не помнил ни одного случая, чтобы у него так стучало сердце. Умение анализировать помогло ему и в этот раз. Что такое ринг, поединок в боксе? Да, бывало, что парня били там, причем сильно. Но тогда и речи не возникало о том, чтобы его могли убить или изуродовать до такой степени, что он станет ни на что не пригодным овощем. А сейчас ситуа-

ция была именно такая. Но то, что враги смогут сделать с ним, зависело не только от них, но и от него самого. Логинов же и сам вполне в состоянии что-то предпринять.

Именно в этот момент на него снизошло прозрение. Анастас понял, как ощутил человека неподалеку от себя. Он просто уловил запах духов или какого-то дорогого одеколona. Нос старшего сержанта давно привык к запаху казармы и плохо воспринимал этот дорогой, щемящий и томный аромат.

Точно так пахла одна его знакомая женщина. Наверное, она пользовалась такими же духами.

Старший сержант сейчас совершенно не задумывался о том, женщина это или мужчина. Перед ним был противник, враг. Женщина точно так же, как и мужчина, имеет возможность нажать на спусковой крючок и выпустить пулю.

Он помнил про свой высокий рост и давно уже учитывал, что люди в основном бывают ниже его. Логинов примерно прикинул, где у его противника должна находиться челюсть, покрепче сжал рукоять малой саперной лопатки и взмахнул левой рукой. При этом он прекрасно понимал, что острое лезвие разрубит противнику горло за счет одной только быстроты, с которой наносился этот удар.

Старший сержант сразу понял, что его ожидания оправдались. Сопротивление было как раз такое, какое могло оказать податливое горло. Тут же забулькала кровь, хлынувшая рекой.

Логинов знал, что должно было произойти дальше, и потому подготовился заранее, поднял к груди правую руку, сжал кулак. Слабый луч фонарика, направленный ему в лицо, несколько не ослепил Анастаса. К тому же он успел прикрыть глаза одновременно с тем, как выбросил вперед правый кулак. Может быть, даже за мгновение до этого.

Его кулак приложился точно в подбородок, да так, что даже хруст послышался. Расслабленная челюсть такого удара не выдержала и сломалась.

Что сломалась именно челюсть противника, а не его собственные пальцы, старший сержант Логинов понял по отсутствию в руке любой посторонней боли, кроме естественной, вызванной собственно ударом. К ней он привык давно. Походила она на результат удара без перчатки в боксерский мешок, когда бьешь просто так, с шага, проходя мимо.

Анастас сразу заметил, как второй человек упал на первого. Он словно прикрыл его своим телом и не опасался испачкаться в крови. В ту же лужу стеклом вниз упал и слабый фонарик второго противника. Он почти сразу потух. Но старший сержант успел сориентироваться, увидел, что никто больше не пытался к нему приблизиться.

Конечно, еще какие-то противники вполне могли находиться неподалеку, в нескольких шагах от него. Однако в этом случае они, скорее всего, уже показали бы себя, выстрелили бы. Анастас это понимал, но все-таки на всякий случай упал на оба колена, опять попавшие в расширяющуюся лужу крови. Он не обратил на это никакого внимания. Ему было просто некогда забивать себе голову такими мелочами, потому что парень спешил укрыться за двумя людьми, один из которых уже стал трупом, а второй просто пребывал в глухом и глубоком нокауте.

Если бы кто-то начал сейчас стрелять в старшего сержанта, то попал бы в тело противника, нокаутированного им. Или же пуля просверлила бы воздух выше. Она могла бы попасть в шлем по касательной линии. Это вызвало бы шум в ушах Анастаса, но никак не более. Ведь этот шлем на испытаниях выдерживал выстрел девятимиллиметровой пули, выпущенной из пистолета Макарова по прямой линии с дистанции в пять метров.

К этому моменту старший сержант Логинов уже выхватил свой пистолет, готовый был ответить на выстрел противника. Определить в темноте местоположение вражеского ствола можно без проблем, по первой же вспышке. Но таковой не последовало.

Анастас прислушался к пустоте коридора перед собой, вытащил свой относительно мощный фонарик и включил его. Ощущения старшего сержанта не подвели. В узком пространстве никого больше не было.

Только после этого Логинов перевел луч фонаря ближе, посмотрел на поверженных противников и сразу слегка удивился. Первый из них, с перерубленным горлом, был светловолосый мужчина с какой-то беспомощной, довольно жиденькой боцманской бородкой того же цвета, но без усов и с большим носом картошкой. На нем лежала в глухом нокауте женщина с такими же светлыми волосами. Вместо ленты они были стянуты каким-то простым брезентовым ремнем.

Рука убитого мужчины в судорожном последнем движении сжимала пистолетную рукоятку «Винтореза». Приклад винтовки был сделан из светлого лакированного дерева и имел множество насечек, нанесенных ножом. Видимо, снайпер был очень опытный, немало солдатских душ загубил за свою карьеру, причем в разных, видимо, странах. Считать насечки старший сержант не стал, но даже на глазок прикинул, что их тут будет далеко за сотню.

У женщины, находящейся в бессознательном состоянии, тоже был «Винторез». Приклад у этой винтовки был пластиковый, пустотный. На таком материале ставить отметки было сложно даже напильником. Жесткость этого пластика была старшему сержанту известна. Он был сравним по прочности с каленым металлом. Из такой же винтовки, как и из СВД, Анастас стрелял во время обучения в школе снайперов в Солнечногорске.

Так уж вышло, что оба его противника были снайперами и коллегами старшего сержанта. Судьба свела их не на поле боя, а в подземном помещении. Исход их встречи определился не в обычной и в то же время знаменитой снайперской дуэли, а в скоротечной рукопашной схватке, где все решают быстрота мышления и умение наносить удары, заменяющие выстрелы.

Логинов без проблем вытащил из-под женщины, которая все еще не приходила в сознание, ее винтовку, взял из набедренной кобуры пистолет, нечаянно прощупав при этом руками тренированные мышцы сильного бедра, и нож из ножен на поясе. После чего он точно так же забрал пистолет и нож у убитого мужчины. Но вот вытащить винтовку из его рук было сложно. Мало того, пальцы, сжатые предсмертной судорогой, со злостью вцепились в деревянную рукоятку. Старший сержант оказался в состоянии разжать руку мертвого противника. Однако мертвый снайпер еще и телом навалился на свою винтовку. Ремень, перекинутый через его плечо, тоже был зажат. Просто так вытащить оружие Анастасу не удавалось. Ему пришлось беззастенчиво сбросить с убитого нокаутированную женщину. Она застонала, но осталась лежать на спине.

От нее снова сильно пахло духами.

Парню опять, прямо как наваждение, вспомнилась другая женщина, оставшаяся там, в подмосковном Солнечногорске. Она была совсем не похожа на эту не только цветом волос и овалом лица, но и даже кожу имела иную, нежную и мягкую, бархатистую, по которой он любил проводить пальцем.

Ту женщину звали Альбиной. Она была красива, очень гордилась такой внешностью, могла часами просиживать перед зеркалом, рассматривая свое лицо, при этом не сомневалась в том, что ей уготована свыше какая-то особая судьба, большая и счастливая жизнь, похожая на кино. Поэтому упорно отвечала смехом на все попытки Анастаса сделать ей предложение, не отказывала категорично, но и не соглашалась. Она ни разу не сказала ему ни «да», ни «нет», хотя однажды все же откровенно призналась, что семейная пара у них не получится.

Альбина в своих мечтах видела себя только женой очень богатого человека. А что мог предложить ей он, армейский контрактник, даже не офицер?

Анастас уехал служить в спецназ военной разведки, а она осталась там, рядом со своими матерью и отцом. Альбина ожидала чего-то большего, чем то, что могла получить от него, хотя сам Логинов считал, что нравится ей. По крайней мере, так было тогда.

Они даже не переписывались и не созванивались, расстались, как решили перед его отъездом, навсегда. В Анастасе теперь жила только память о ее духах. Наверное, они были хорошие и дорогие.

Эти воспоминания пришли к нему совсем не вовремя. Но они никак не помешали снайперу выполнять свою работу. Именно ею он теперь и занимался.

Старший сержант Логинов вытащил из-под мертвого мужчины винтовку, увидел за его спиной черный пластиковый пакет, поднял и заглянул внутрь. Там лежали девять апельсинов, обглоданных, видимо, крысами, четыре помятые банки тушенки и большая жестяная банка без крышки. В ней находился бумажный пакет с мукой. Банка, видимо, берегла муку от крысиных зубов, а крышку с нее, похоже, кто-то просто выбросил, когда саму банку осматривал на предмет содержимого. Кроме продуктов в пакете не было ничего, но это вовсе не говорило о том, что впереди, на складе, не могли храниться оружие и боеприпасы.

– Старший сержант, ты говорить можешь? – раздался в наушниках голос командира разведывательной роты. – Без ущерба для самого себя.

– Теперь уже могу, товарищ капитан.

– Докладывай ситуацию. Что там у тебя происходит?

– Докладываю. Встретился в темноте с двумя бандитскими снайперами. Мужчина и женщина, оба светловолосые. Мужчина с жидкой бородкой, но без усов. Женщина, кажется, без бороды.

– И без усов? – со смешком, в тон своему снайперу, спросил командир взвода старший лейтенант Галактионов.

– И без усов, – подтвердил старший сержант.

– Антон Павлович Чехов говорил, что мужчина без усов все равно что женщина с усами.

– Мне бы ваши бородатые заботы! – проворчал командир роты, возвращая этой фразой доклад старшего сержанта в прежнее русло. – Встретился ты с ними, и что дальше было?

– Мужчина убит. Женщина в нокауте. Можно допрашивать.

– Твой командир взвода допросит... Да-да, затребовал! Ждите рядом.

– А лучше сразу на скалу забирайтесь, – добавил к этому старший лейтенант Галактионов. – Я сейчас сам поднимаюсь туда.

Капитан Есипов последние свои слова обращал уже не к Логинову, а, кажется, к кому-то другому, как и старший лейтенант. Похоже было на то, что к офицерам подошли два бойца, затребованные командиром роты в первом взводе. Но у них были выключены микрофоны или полностью КРУСы. Поэтому их голоса были слышны только отдаленно и невнятно.

Они появились, когда Логинов уже практически все закончил. По крайней мере, боевую часть своих действий он завершил весьма успешно. Но прибытие подмоги окажется весьма кстати и теперь. Будет с кем оставить тело снайпера и пленницу, пока сам Анастас станет осматривать подземные коммуникации дальше и искать второй выход из них. Он, конечно же, должен находиться где-то на позиции банды. Иначе двум светлоголовым снайперам невозможно было бы в эти коммуникации попасть. Впереди их просто расстреляли бы бойцы спецназа военной разведки, а позади то же самое сделали бы спецназовцы «Сигмы», которые, похоже, уже вели плотный бой с бандитами.

Глава 5

Аль Салех был рад вернуться в родные предгорья. Здесь ему и дышалось легче, чем в жаркой Сирии, где пустыня наступает на пустыню, и тело было несравненно свежее, моложе, и голова работала намного лучше и яснее.

В этих местах жили его друзья и родственники, хотя теперь их тут осталось не так уж и много. Но главное состояло в том, что эти люди помогали ему, как уж могли, хотя многие и опасались это делать открыто.

Отправляясь в родные края, аль Салех, естественно, провел сначала основательную подготовку, как всегда делал перед каким-то значительным делом. Он занялся этим заблаговременно, еще почти за два года до своего прихода.

Сначала эмир переправил в поддержку подпольной группе ИГИЛ, действующей в его родном ауле, небольшую группу, состоящую из пятерых самых надежных и верных бойцов, жителей того самого селения, в котором родился и вырос он сам. По мнению эмира, эти люди вполне могли справиться со своей задачей. Они перенесли через границу и доставили на место большую партию оружия и боеприпасов, после чего вместе с местными парнями занялись подготовкой базы для размещения отряда. Эта работа была весьма значительной и сложной.

Для выполнения планов эмира группе необходимы были рабы. В самом деле, не заставляя же выполнять сложную физическую работу своих людей. Да они по большому счету были мало пригодными к такой деятельности, привыкли больше спусковой крючок на автомате нажимать. Нужны были молодые и сильные парни, способные долго работать и получать за это только минимальное кормление, необходимое для поддержания физических сил.

Брать в рабство соотечественников эмир не желал принципиально, хотя среди них и имелись такие субъекты, которые наверняка были этого достойны. Прежде всего это чиновники, которые давно уже служили российской власти и очень неплохо заработали за эти годы. Эти персонажи всем надоели и всех основательно достали, однако их обращение в рабство могло бы не понравиться многим мусульманам. Ведь ислам говорит, что человек может быть только рабом Господа.

Но это утверждение, как уверяли ученые имамы, касалось лишь тех людей, которые признавали ислам. Оно, естественно, не имело ни малейшего отношения ни к христианам, ни к каким-нибудь там буддистам.

Однако вывозить таких рабов из ближайших русских районов, скажем, Ставропольского края или буддистской Калмыкии, было и долго, и рискованно, и накладно. Это причинило бы ущерб бюджету отряда.

Вдобавок далеко не каждый пост на дороге можно купить. Среди ментов тоже порой встречаются порядочные и непродажные люди, хотя в народе и говорят, что все зависит от того, сколько им предложить. Но на таком пустяке легко было засыпаться. Ради успешного завершения большого дела, задуманного эмиром, риск требовалось сводить к минимуму.

Аль Салех нашел выход из этого положения. Он знал, что множество молодых парней с относительно тренированными телами можно найти в частях российской армии, и поставил это дело на широкую ногу. Подручные эмира даже сумели купить одного старшего прапорщика, старшину роты из мотострелкового полка. Этот тип сам выписывал увольнительные солдатам и давал им в руки запечатанный конверт с запиской, якобы адресованной женщине. При этом он не забывал подмигивать. Дескать, так-то вот, это чисто мужское дело. Конверт следовало отнести по адресу, написанному на нем. Солдаты делали это и больше в части не появлялись.

Дело было организовано с предельной аккуратностью. Но одни и те же действия, совершенные в том же самом месте, могли в конце концов вызвать подозрение и, как следствие, нежелательное расследование. Поэтому подручные эмира скоро решили, что хватит им кор-

мить старшину чужой роты, переключились на другую воинскую часть, а потом, спустя некоторое время, и на третью. То количество рабов, которое было им необходимо, они набрали быстро.

Солдат заставляли работать по четырнадцать часов в день и кормили в зависимости от результата, стимулируя этим ответственность в труде. Кто больше сделает, тот и есть будет больше.

Вскоре пришлось троих рабов заменить. К физической деятельности они оказались мало пригодными и других расхаживали. Бандиты содержали всех пленников в предгорьях, в родовом ауле аль Салеха, в каменной башне, разумеется, под постоянным надзором. Оттуда охранники этих троих и вывели, предварительно надев им на головы черные колпаки. Эмир по телефону приказал им сообщить другим пленникам, что этих парней они отпустили. А колпаки надевали на головы, чтобы не выдали место, в котором содержались.

При этом аль Салех прекрасно понимал, что это будет плохим примером для остальных пленников. Все они тоже начнут работать плохо в надежде на то, что их отпустят. Поэтому эмир приказал охранникам не отвечать на вопросы невольников о тех парнях, которых бандиты заменили новыми рабами, и только недобро ухмыляться. Выстрелы в горах, бывает, разносятся далеко. Поэтому охранники решили не привлекать постороннего, совершенно не нужного внимания. Они просто перерезали рабам глотки и даже тела закапывать не стали, оставили на закуску шакалам.

Остальные пленники оказались догадливыми и со страхом посматривали на рукава охранников, обрызганные кровью. Вскоре двое из них бросились с башни вниз головами. После этого бандитам пришлось попросту разобрать лестницу, ведущую наверх, и срочно найти замену погибшим невольникам.

На работу и назад их возили на микроавтобусе «УАЗ», принадлежащем одному из старых друзей аль Салеха. Все они в это транспортное средство не вмещались, поэтому «уазик» делал по два рейса в обе стороны.

Рабы были разделены на две бригады, которыми руководили опытные горные инженеры, специально подобранные самим аль Салехом и не раз проверенные в деле. Они показывали пленникам, где и как следует копать. Один из этих специалистов, человек уже немолодой, в свое время строил метро в Москве. Именно он и являлся автором проекта всех подземных сооружений.

Ущелье эмир выбирал сам, по собственной памяти. В этих горах он не бывал давно, с юности, но кое-что еще помнил. Потом, когда переправил малую часть своих людей через границу, он получил от них подтверждение того факта, что выполнить работу в этом ущелье можно, и поблагодарил Аллаха за хорошую собственную память. Всевышний прекрасно знает, кому и что может в жизни понадобиться!

Две бригады пленников начали работу. Одна шла навстречу другой.

Расчеты были произведены не совсем точно. Расхождение составило около двух с половиной – трех метров. Бригады прошли мимо друг друга, не встретившись. Они бы так и шли дальше, пока инженер не заметил бы свою ошибку. Однако в тот раз положение спасли, не позволили потерять лишнее время крысы, прорывшие соединительные норы между тоннелями. Бригады слышали друг друга.

Когда аль Салех узнал об этом, он приказал в конце одной галереи выкопать большой грот под склад продуктов и вооружения и наполнить его всем этим. Запас, как хорошо знал эмир, никогда не тянет карман.

Горный инженер слегка подправил свой проект, утвердил его самоличной подписью и переслал эмиру по электронной почте. После этого он был расстрелян, потому как располагал слишком уж большой информацией. Но другие специалисты имели богатый опыт строительства подземных коммуникаций под сирийскими городами. Теперь они уже знали свою основ-

ную задачу, имели точные чертежи и электронные безошибочные компасы. Расстрел ведущего инженера, по сути дела, никак не сказался на скорости и качестве работ.

Кроме того, в родном ауле эмира аль Салеха жил старик-травник, специалист по составлению различных напитков на всякие случаи жизни. В народе не просто так говорили, что он мог вернуть мужскую силу любому долгожителю, сделать из старухи привлекательную молодую женщину, был способен одними наговорами заставить возвратиться домой загулявшего мужа или такую же жену, превратить самого бестолкового ребенка в умного и усидчивого в учебе. Поэтому к травнику приезжали люди не только из Махачкалы, но и из других даже очень далеких городов России.

К нему и обратились люди, посланные эмиром. Передали привет, заплатили, и этого оказалось достаточно. Род Салеховых был уважаемым в районе.

Старик приготовил специальный настой для рабов. Правда, за травами и за какими-то порошками, приготовленными на их основе, его посланцам пришлось ехать в Махачкалу. Они заплатили за них немалые деньги наглым парням подозрительной наружности, которые сами на всех поглядывали с нескрываемым недоверием.

Но настой был готов. Он не имел никакого запаха, разве что был слегка сладковат, но от этого избавиться, как сказал сам старик, было невозможно. Таково уж свойство травы.

Этот раствор охранники подмешивали в воду, даваемую рабам. Она у них всегда была свежая, имелась даже в избытке. Кто когда желал, тот тогда и пил, сколько хотел. После употребления этого питья невольники могли работать, не зная усталости, сколько им приказывали. Никто из них теперь не думал ни о побеге, ни о прыжке с крыши башни. Короче говоря, они стали более чем послушными.

Вот так, с помощью старика и его знаний, главарю банды удалось решить многие проблемы, с которыми он мог бы столкнуться в ближайшем будущем. Сам старик, по замыслу эмира, должен был бы заблудиться в горах, когда снова отправится туда за травами. Однако он, видимо, и в самом деле был очень даже непростым человеком, многое знал и чувствовал. Поэтому он проявил предусмотрительность, никого не научил готовить свой настой, то есть был пока необходим эмиру. Потом этот человек и вовсе исчез из поля зрения аль Салеха, спрятался где-то в Махачкале или в Каспийске. Точно этого никто не знал, хотя возможность отследить его была очевидной. Старик не мог не принимать клиентов даже теперь, сменив адрес и затаившись.

Жители аула наверняка знали и о рабах, которые содержались в башне, принадлежащей семейству Салеховых, и о каких-то работах, ведущихся в горах. Однако никто, даже местный участковый инспектор старший лейтенант полиции Камал Латифов, не совался не в свое дело. Участковый инспектор полиции вообще был для семейства Салеховых своим человеком. Он был женат на Джавгарат, младшей сестре эмира, имел от нее пятерых детей и старался поддерживать с Салеховыми добрые, сердечные родственные отношения, которые почти всегда бывают куда более крепкими, чем деловые с товарищами по службе.

Так, Камал зашел однажды вечером в дом к тестю и добровольно – его никто не просил об этом! – стал рассказывать, что в округе ходят слухи о каких-то рабах, содержащихся где-то в их ауле, и о работах, проводимых где-то в горах. Поэтому завтра утром сюда должны приехать парни из республиканского следственного управления в сопровождении росгвардейцев. Они будут обыскивать все башни и каменные сараи, расположенные во дворах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.